

Л. ГРЕБНЕВ,
доктор экономических наук,
профессор МГИУ

«ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ» В. А. КАНКЕ И ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Относительно недавнее событие в нашем послевузовском образовании — введение в 2004 г. кандидатского экзамена по истории и философии конкретной науки вместо экзамена по философии — стало причиной появления соответствующего разряда учебных материалов, гораздо более разнообразных по тематике и более точно нацеленных на повышение уровня профессиональной компетентности аспирантов. Книга В. А. Канке — одно из таких изданий, предназначенных для начинающих ученых-экономистов. Автор далеко не новичок в написании учебников по широкому кругу вопросов, иногда выходящих за рамки философии как таковой¹.

Гриф «рекомендовано в качестве учебного пособия» выдан УМО по образованию в области экономики и экономической теории (базовый вуз — РЭА им. Г. В. Плеханова)². В качестве целевой аудитории в грифе указаны только студенты вузов, хотя по замыслу автора, отраженному, в частности, в аннотации³, читателей может быть гораздо больше.

Внимательно ознакомившись с текстом, я должен сказать, что как раз студентам и даже аспирантам, собирающимся сдавать кандидатский экзамен по истории и философии экономической науки, изучение этого труда в качестве учебного пособия рекомендовать не следовало бы. Такая аудитория вполне может обратить внимание на некоторые явно неудачные или даже небрежные формулировки, относящиеся к экономике⁴. Чуть более начитанные обратят

---

*Канке В. А. Философия экономической науки. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2007.

¹ В частности, его перу принадлежат: «Основы философии»; «Философия»; «Философия. Курс для бакалавров»; «Философия. Исторический и систематический курс»; «История философии. Мыслители, концепции, открытия»; «Концепции современного естествознания». Все эти учебники и учебные пособия издавались и переиздавались в издательстве «Логос» уже в текущем десятилетии. Кроме того, им подготовлена монография «Философия учебника», выход в свет которой уже анонсирован.

² Рецензенты: Ореховский П. А., д.э.н., профессор, зав. кафедрой Международной академии современного знания (г. Обнинск); Тябин В. Н., д.э.н., профессор ГУУ (Обнинский филиал); Самсин А. И., к. филос. н., профессор РЭА им. Г. В. Плеханова.

³ «Для студентов, ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов, изучающих курсы „История и философия экономической науки“, „Экономическая теория“, „История экономических учений“, а также для широкого круга читателей».

⁴ Вот только несколько примеров (курсив мой. — Л. Г.): «Вспомните об экономических парадоксах: низкие цены на очень полезные товары (соль, вода), высокие цены на редкие товары (товары *Грифина*)» (С. 117); «Как только экономист обращается к математическому моделированию — а без этого ему не обойтись, — так *тотчас* выходит на свет фактор *если не*

внимание на аналогичные недостатки и по части философии⁵. Несколько сложнее обстоит дело с повторяющимися явно ошибочными выражениями. Они заставляют несколько усомниться в том, насколько адекватно автор владеет материалом, известным будущим экономистам уже на втором курсе⁶.

Читатель-нефилософ, даже тщательно изучивший стандартный курс «философии для нефилософов», предусмотренный в качестве обязательного действующим образовательным стандартом, не готов критически воспринять очень плотный текст с обилием имен, идей, авторских оценок. Например, на подпункт «Рационализм И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля» приходится всего страница. Вклад Шеллинга в философию науки описан несколькими предложениями: «Провозгласил тождество субъекта и объекта; без этого, дескать, нет науки, не обремененной произволом субъекта... Шеллинг хотел перенести в философию науки категорию символа. Эта попытка ему не удалась, ибо он не владел аппаратом научной семантики, отцом которой стал позднее американец Ч. С. Пирс»⁷. Фихте удостоился лишь одной фразы: «Занялся дедуцированием принципов: 1) Я полагаю себя; 2) Я противопоставляю себе не-Я; 3) Я соотносится с не-Я»⁸.

И что же читателю-экономисту делать с подобной информацией: запоминать, проверять, опровергать? А зачем? Экономист по природе своей прагматик, бесцельного дела делать не будет. А какая здесь и во многих других похожих по стилю местах цель преследовалась автором? Неужели только «себя показать»? Для учебного пособия такая цель явно не подходящая.

Наконец, автор обильно вводит собственные термины. Это вполне уместно в научной монографии для узкого круга профессионалов, но вряд ли годится для пособия, рассчитанного на широкий круг читателей, ориентированных в конце концов на сдачу кандидатского экзамена. Возможно, книга именно в таком качестве — сугубо научном — и задумывалась, писалась⁹, но ведь издана-то она как учебное пособие. Конечно, издательство, специализирующееся на учебной литературе, предпочитает печатать книги, имеющие массового читателя. В данном случае оно ошиблось, но это не снимает претензий ни к автору, ни к рецензентам, ни к УМО, выдавшему соответствующий гриф.

Сказанное не означает, что книга Канке вообще не может использоваться в учебном процессе, скорее наоборот. Если верна формула: «умный учится на чужих ошибках», то как раз тексты, содержащие те или иные ошибки, могут

максимизации, то, по крайней мере, *оптимизации*. Именно так устроена математика, с этим ничего не поделаешь» (С. 323); «В качестве рационалиста ограниченным является и тот человек, который неверно использует таблицу умножения *простых* чисел» (С. 325); фамилия Т. Негиши (Negishi), автора учебника «История экономической теории», везде воспроизводится с ошибкой: «Негеша».

⁵ См., например: «Более удачно распорядились темой ценностей в конце 1920-х гг. феноменологи М. Шелер и Э. Гартман» (С. 21). Но Эдуард Гартман (1842–1906) жил намного раньше, а Николай Гартман (1882–1950) отнюдь не был феноменологом.

⁶ Вот один показательный пример: «Дело в том, что в экономике в денежных единицах измеряются многие факторы, в частности цены (v_i). Функция полезности связана с этими факторами, так как имеет место функция $u = u(v_i)$ » (С. 333). См. также чуть дальше (С. 335): «Основанием экономической теории является функция полезности, а измеряются цены товаров и производные от них величины ($u = u(v_i)$; измеряется v_i , а не u)». Нет такой функции у нас, экономистов. Есть функция $u = u(\bar{q})$, где $\bar{q}$ — набор («вектор») благ, а не цен. Аргументы этой функции — наблюдаемые переменные, ее значение — нет.

⁷ С. 132.

⁸ Там же.

⁹ Но и в этом случае она изобилует оценочными формулировками, не вполне соответствующими жанру по форме и как минимум спорными по содержанию. Например: «И Аристотель, и Кант ...не были по-настоящему сведущи ни в науке вообще, ни в экономической науке» (С. 57).

быть не менее полезны, чем избавленные от ошибок, канонические учебники. В данном случае будущие экономисты имеют возможность попрактиковаться в нахождении самых разных ошибок у автора, не являющегося экономистом¹⁰, но опирающегося на разнообразные современные издания, в том числе и на экономические. Разумеется, для облегчения такой самостоятельной работы студента преподаватель мог бы указывать с большей или меньшей точностью конкретные страницы, на которых, по его мнению, таковые находятся.

Но это далеко не единственное и, более того, не самое интересное, что могут извлечь экономисты из рассматриваемого текста. Не секрет, что большинство отечественных экономистов-преподавателей на настоящий момент из философов хоть что-то знают о Гегеле, Канте, в целом о классической немецкой философии, поскольку именно она считалась одним из «трех источников» марксизма, а одной из его «трех составных частей» была, как известно, политическая экономия. Конечно, развитие философии не остановилось в начале позапрошлого века. Более того, ее развитие в последующие полтора века особенно бурно происходило в рамках альтернативной — так называемой «островной» — философской традиции, то есть как раз той традиции, в рамках которой одновременно развивался и экономический «мейнстрим».

Поэтому было бы логичным вслед за освоением азов¹¹ экономической науки, альтернативной «старой» политической экономии, приступить к освоению ее философско-методологических основ. При этом придется научиться обходиться без ряда категорий, отличающих именно континентальную технику мышления. Прежде всего от пары «сущность — явление», без которой, казалось бы, никакая наука немыслима. Оказывается, не только мыслима, но и доминирует сейчас в экономике. И законом в этой науке может называться то, что в континентальной традиции никогда не получило бы такое название, например «закон Оукена»¹².

Канке, как умеет, вводит читателя-экономиста в круг идей философов двадцатого века, при этом, исходя из своих собственных соображений, особое внимание уделяет семиотике — науке о знаках. Отнюдь не является его изобретением анализ знаков по трем направлениям: семантическому (исследующему соотношение знака и изображаемого), прагматическому (исследующему связи «знак — его интерпретатор») и синтаксическому (исследующему связи знаков между собой, обычно в знаковой системе). Однако его классификация наук — как знаковых систем — в соответствии с этими направлениями на

¹⁰ Возможно, еще больший эффект может получиться от нахождения студентами ошибок в текстах специалистов, особенно в учебниках, выдержавших не одно издание. В моей практике наиболее интересным в этом отношении является сюжет «парадокс Гиффена» в учебнике «Курс микроэкономики» Р. М. Нуреева (см., например, издание 1998 г. (С. 135–136), где на одной странице студенты находят до семи-восьми ошибок).

¹¹ К азам я отношу в основном переводные учебники «вводного» и «промежуточного» уровней, появившиеся в большом количестве в 1990-е годы. Прежде всего, к ним относятся учебники, в названиях которых есть термин «экономикс». Сюда же можно отнести предельно просто написанный учебник «Макроэкономика» Н. Грегори Мэнкью. Упомянувший выше учебник «История экономической теории» Т. Негиши относится к «продвинутому» уровню.

¹² С точки зрения континентальной философско-методологической традиции этот «закон» представляет собой самое большее «закономерность», имевшуюся в одной из стран в определенный период времени. Наверное, точнее всего формулу этого закона в общем виде можно назвать моделью однофакторной производственной функции, где в качестве фактора берется уровень занятости, а пропорция «два процента прироста ВВП — один процент сокращения безработицы» — это всего лишь конкретное значение одного из параметров этой производственной функции в конкретной стране в конкретный период времени. Для этой же страны и этого же периода времени строились и двухфакторные модели производственной функции, например, Кобба—Дугласа. В них связь уровня занятости и темпов роста описывается с учетом капиталовооруженности труда. Никакого «закона Оукена» там нет.

соответственно естественные, гуманитарные и логико-математические может представлять интерес для экономистов.

Дело в том, что в данном случае экономика, математика и физика оказываются разнесенными по разным классификационным рубрикам в рамках семиотического анализа. При повышенной математизированности современной экономической теории и все еще сохраняющейся у многих исследователей ориентации на физику как на эталон научного знания было бы полезно учитывать специфику экономики как науки, в том числе и в рамках указанной классификации.

Разумеется, ограничиваться тем, что предлагает из арсенала семиотики Канке, нет необходимости¹³. Важная мысль, связанная с этим аспектом, заключается в том, что в каждом конкретном случае — при изучении и особенно передаче знаний, преподавании — надо использовать знаковые системы того уровня абстракции, который наиболее соответствует существу дела. Возможно, первым среди экономистов обратил внимание на это А. Маршалл¹⁴.

Может быть, то, что написал К. Маркс во втором томе «Капитала» о кругообороте, стало бы понятнее, если бы он наряду с линейными последовательностями $D-T_{Cn}^P \dots P \dots T'-D'$; $P \dots T'-D'-T_{Cn}^P \dots P'$ и другими представил кругооборот как целое графически (см. рис. 1):

Такой «вид сверху» на целое принципиально отличается от любого «вида сбоку», точнее, со стороны встроенных в цикл реальных агентов: финансистов, оперирующих на финансовых рынках ($D-D'$ ...), «промышленников», занимающихся конкретным «делом» ($P-P'$ ...), и других. Отличается он как раз нужным для науки отсутствием ангажированности. Любой текст устроен «линейно», а потому сам по себе нелинейность, в том числе цикличность, отобразить не может.

Похожая ситуация встречается и в книге Канке. Уже в самом начале, на с. 13 (рис. 1.1.), он приводит ключевую метафору, иллюстрирующую, по его замыслу, многомерность человеческого мира (см. рис. 2).

**Кругооборот капитала:
«вид сверху»**

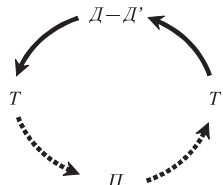

Рис. 1

**Многомерность
человеческого мира
по В. А. Канке**

Рис. 2

¹³ Коллегам-экономистам я бы порекомендовал интернет-издание «Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности)» А. Соломоника (<http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=354>). Этот автор предлагает дополнить указанные выше три направления анализа знаков и знаковых систем исследованием степени их абстрактности. Высшим уровнем абстрактности, конечно, обладает математика, к которой применяются символы с постоянными и переменными значениями, а примером наименее абстрактного знака является след на песке (или линии спектра, используемые при спектральном анализе).

¹⁴ Он пишет: «...нелегко получить четкую картину непрерывности, не прибегая к помощи математических символов или графиков. Применение последних не требует специальных знаний, и они часто отражают условия экономической жизни более точно и доходчиво, чем математические символы... Существует много проблем чистой теории, которые всякий научившийся применять графики не станет излагать, пользуясь другими средствами» (Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. С. 49). Сейчас, наверное, к этому можно добавить, что игры, как реальные, так и виртуальные, — это тоже формы знаковой деятельности, имеющие большой потенциал развития творческих способностей людей без разрушительных последствий для них самих. Если, конечно, знать меру.

На самом деле этот рисунок отображает не столько многомерность, сколько многоуровневость, что не одно и то же. Причем описывает ее Канке с явным ранжированием уровней, среди которых наивысшим приоритетом он наделяет язык («В начале было Слово?»), а на самый низкий уровень помещает факты («тем хуже для фактов»). Надо сказать, что автор, по-видимому, не различает многомерность и многоуровневость и рассматривает эти термины как синонимы¹⁵. Хочет он этого или нет, но одно из измерений оказывается «равнее, чем другие». Язык и, шире, знаковые системы оказываются у автора на особом положении. Можно сказать, что его кредо: «Человек — существо знаковое, семиотическое» (а не мыслящее? не действующее?).

Известно, что попытки дать краткое «определение человека» предпринимаются уже давно. Напомню только две, относящиеся как раз к схеме Канке: Декартово «*Cogito ergo sum*» («мыслю, следовательно, существую») и Марксов «труд в такой форме, в которой он представляет исключительно достояние человека», под которым на практике подразумевался труд по созданию орудий труда, средств воздействия на предметы внешней природы. С тех пор, как были сформулированы эти положения, прошло достаточно много времени, в течение которого обнаружилось, что ни одно из упомянутых в них качеств не присуще только человеку. Есть и другие существа, которые обладают мышлением, в том числе абстрактным (даже насекомые — муравьи, пчелы), создают средства воздействия на внешний мир, применяют разнообразные знаковые системы, начиная с означивания своей территории и кончая созданием грамматики¹⁶.

Мне представляется, что гораздо более плодотворной в философско-методологическом отношении является именно метафора многомерности человеческого мира (см. рис. 3).

Помимо реализации идеи о равноправности (или равноценности?) «измерений» мира человека такой графический знак удобен для иллюстрации идеи о различных степенях абстрактности разных знаковых систем. Итак, считаю не лишним повторить: что бы ни писал

Многомерность человеческого мира: «математизированная» метафора

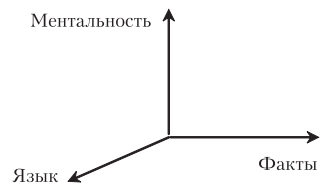

Рис. 2

¹⁵ «До сих пор мы упорно держались в области логического, которая способна представлять любой из структурных *уровней* мира человека. Этих уровней существует по крайней мере три. Мы имеем в виду мир предметов, мир чувств и мыслей, мир языка. Мир человека *многомерен*» (С. 13; курсив мой. — Л. Г.).

¹⁶ «В чем, с точки зрения когнитивной науки, источник человеческого в человеке? Например, обезьяны ...которых научили языку глухонемых — они, кажется, знают больше тысячи слов, шутят, ругаются и упорно называют себя людьми. Правы ли они? В отношении лингвистических способностей нечеловеческих приматов существует множество спекулятивных предположений. Я лично знаком с самым известным из них, карликовым шимпанзе (**pan paniscus**) Канзи, и выпустил книгу вместе с директором Центра исследований развития языка в университете штата Джорджия Дуэйном Рамбо: *Communicating meaning: The evolution and development of language* / В. М. Velichkovsky, D. M. Rumbaugh (eds.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. Достижения Канзи стали возможны благодаря особой компьютерной клавиатуре, с языком глухонемых они были бы невозможны. Он научился использовать примерно двести терминов и, кажется, изобрел для них примитивную грамматику. Языковое развитие Канзи примерно соответствует развитию здорового двухлетнего ребенка... Работы группы Рамбо и Сэйвидж-Рамбо в Атланте, как и других исследовательских коллективов... доказывают, что многие аспекты языка совсем не являются **differentia specifica** человека» (<http://www.polit.ru/science/2007/02/08/velichkovskiy.html>).

В. А. Канке о семиотике в рассматриваемой книге, сама попытка привлечь к этой науке внимание наших экономистов представляется заслуживающей одобрения и поддержки.

Очень может быть, что и основная авторская идея — единства научно-теоретического ряда и научно-теоретического строя — могла бы стать темой для обсуждения на методологическом семинаре студентов-старшекурсников или аспирантов. Согласно этой идее, исторически последовательный *ряд* теорий в любой конкретной науке $T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3$ естественно дополняется *строем*, состоящим из тех же теорий, но в обратном порядке: $T_3 \Rightarrow T_2 \Rightarrow T_1$. При этом более поздняя и, главное, более развитая теория служит как бы ключом для понимания, более полного раскрытия содержания прежних теорий. Возможно, в чем-то эта идея перекликается с сюжетом единства логического и исторического, заявленного еще в учебнике «Курс политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова в начале 1960-х годов¹⁷. В версии В. А. Канке научно-теоретический ряд экономической науки включает теории четырех типов: классические, неоклассические, кейнсианские и теоретико-игровые: $T_{кл} \rightarrow T_{неокл} \rightarrow T_{кейнс} \rightarrow T_{т.-игр}$ (1.2). Соответственно научно-теоретический строй включает те же блоки, но уже в обратном порядке: $T_{т.-игр} \Rightarrow T_{кейнс} \Rightarrow T_{неокл} \Rightarrow T_{кл}$ ¹⁸. Автор бесспорное предпочтение отдает второй из этих формул, считая ее намного более содержательной и в дидактическом отношении более выверенной, чем первая¹⁹.

Здесь, наверное, есть «информация к размышлению» для специалистов. На мой взгляд, сам автор завершает параграф о неопределенности и риске (§ 6.3) весьма правильным, хотя и *вряд ли* оригинальным, диагнозом: «Современная экономическая теория должна быть готова к постоянной ревизии своих оснований. Одним из результатов как раз и явилось выдвижение проблемы неопределенности в центр самых актуальных на сегодняшний день научных исследований» (С. 339).

Но что значит «ревизия оснований» с учетом «проблемы неопределенности»? На мой взгляд, это может означать уточнение исходной аксиомы «ограниченности благ (ресурсов)». На самом деле помимо явно проговоренной ограниченности эта аксиома неявно содержит предположение о количественной определенности ограниченного блага, что бывает далеко не всегда. Главный пример, опровергающий универсальность связки «ограниченность — определенность», — это сам человек. Ограниченность его существования во времени очевидна. Точно так же почти очевидна неопределенность продолжительности существования и каждого человека в отдельности, и человеческого рода в целом. Лицо, принимающее решение, не может не рассматривать и себя, свое существование, как разновидность ограниченного ресурса, которым он располагает. Можно даже сказать, что он им пользуется, но не распоряжается. Как известно, мировые религии запрещают лишать человека субъектности, крайним случаем которого является прекращение его жизни, даже на добровольной основе, за исключением случая самопожертвования «за други своя».

Но как можно говорить о рациональном использовании ресурса, величина которого неопределенна? Явно не так, как в случае не только ограниченности, но и определенности. Известно, что учет вероятностной

¹⁷ См.: Курс политической экономии. В 2-х тт. М.: Экономика, 1973. Т. I. С. 72–73.

¹⁸ См. с. 29.

¹⁹ «Даже курсы по истории науки имеет смысл излагать в последовательности (1.3)» (С. 32).

определенности, с которой экономисты давно²⁰ уже умеют не путать неопределенность, требует снятия предположения об определенности функции полезности с точностью до монотонного преобразования, характерного для стандартной ординалистской ситуации, и замены его на более определенную количественно целевую функцию (Неймана — Моргенштерна). Мне представляется, что учет неопределенности как таковой присутствует уже в самом предположении о стремлении любого рационального экономического агента выбрать «наилучшее решение».

В мире полной определенности рациональное поведение совсем не обязано быть «оптимизирующим». Оно скорее описывается формулой «от добра добра не ищут», а также хорошо известной экономистам байкой о туземце, лежащем под пальмой и жуящем банан²¹. «Аксиома» неопределенности ограниченных благ является реальной и реалистической альтернативой «аксиоме» ненасыщаемости потребностей, которая мне представляется весьма искусственной, придуманной *ad hoc*.

Два события конца 1920-х годов — Великая депрессия в США²² и кризис хлебозакупок в СССР — имеют практически одинаковую причину и во многом одинаковые по радикальности следствия. Эта причина — *ограниченность потребностей* в экономических благах основной массы населения, а следствия — радикальные изменения методов *хозяйствования* на уровне стран в целом (Новый курс Рузвельта в одном случае и ускоренная индустриализация и коллективизация на основе директивного планирования — в другом), сделавшие обе страны сверхдержавами всего за три-четыре десятилетия. Однако оба решения проблемы ограниченности потребностей дали непредвиденные побочные результаты во времени и пространстве. Одно из них, связанное с «возгонкой потребностей индивидов», оборачивается увеличением экономической нагрузки на природную среду в глобальном масштабе, чреватую разнообразными дефицитами и международными конфликтами. Второе, ориентированное на выживание одной, отдельно взятой страны, оказалось эффективным только в среднесрочном масштабе нескольких десятилетий. «Война моторов», случившаяся всего через десять лет после перехода к плановому ведению хозяйства, окончилась победой, однако спустя еще несколько десятилетий страна значительно сократилась территориально. Демографические результаты в нашей стране также негативны, особенно по показателю продолжительности жизни.

²⁰ Начиная с книги Ф. Найта «Риск, неопределенность и прибыль» (1921).

²¹ Подходит к туземцу европеец и говорит: «Ты чего лежишь, встал бы, собрал много бананов, продал их». — «А зачем?» — «Купил бы грузовичок, нанял работников, завел бы свой бизнес, а потом бы лег и ел бананы». — «А я что делаю?».

²² Как известно, в США в период Первой мировой войны экономика развивалась довольно интенсивно на основе внешнего спроса. После войны накопленный потенциал быстро насытил имевшийся *традиционный* внутренний спрос. «Проскочив» точку насыщения, промышленность США попала в самый тяжелый кризис перепроизводства. Из него она долго выбиралась, причем важную роль в оживлении экономики и снижении безработицы сыграли общественные работы по строительству различных объектов инфраструктуры, особенно автомобильных дорог. Помогли и заказы из СССР, который тогда же приступил к выполнению своих первых пятилетних планов. Именно тогда государственные расходы были впервые применены не только и не столько для осуществления традиционных функций государства, сколько для стимулирования спроса, причем спроса не на конкретные виды благ, а совокупного спроса: занятые на общественных работах получали денежные пособия, которые вносили свой вклад в рост потребительского спроса на самые разные товары. Долгосрочный урок: надо, чтобы население *стало* «ненасытным». Пусть базовый комплект благ — дом, машина — будет неизменным, но сами эти и все сопутствующие им блага пусть улучшаются до бесконечности. Прибавим к этому максимальную платность образования, медицины за пределами гарантированного минимума и военные расходы. Этот «хозяйственный механизм» был запущен в 1930-е годы и работает до сих пор в самоподдерживающемся режиме, поглощая все больше ресурсов планеты. Можно сказать, что травма Великой депрессии все еще памятна, и платит за нее все больше людей далеко не только в США, причем в число их вовлекаются и потомки из еще не родившихся поколений.

В рамках традиционных для экономистов моделей неопределенность присутствует в виде степеней свободы — разности между количеством независимых уравнений и переменных. В простейшем случае это одно уравнение и две переменных. Известна также эквивалентность с математической точки зрения задачи максимизации эффекта при заданном ограничении на ресурсы («бюджетном ограничении») и задачи минимизации затрат на достижение заданного эффекта (результата). При хорошо подобранном ограничении на ресурсы либо требуемом результате обе задачи дают одинаковое решение. Однако экономически осмысленными и в этом смысле приоритетными в зависимости от принятой аксиоматики являются разные математические модели поведения экономических агентов.

В случае принятия аксиомы «ненасыщаемости потребностей» базовой является модель с явным бюджетным ограничением в виде линейного уравнения и нелинейной целевой функцией, значение которой максимизируется. Неопределенность при этом «остается за кадром» и может вообще не попадать в поле зрения наблюдателя. Точнее, теоретик «напорется» на нее только после того, как освоит, как ему кажется, вероятностную определенность²³.

В случае принятия аксиомы неопределенности внешней среды, условий существования агента (точнее, существования того пространственно-временного круга субъектов, к которому он считает себя причастным) в ближайшем и отдаленном будущем, базовой будет модель с фиксированным (определенным) результатом и минимизацией затрат на его достижение, экономией «как таковой». Экономией средств в самых разнообразных формах, начиная с создания страховых запасов (сырья, мощностей, готовой продукции, финансовых средств в ликвидной форме), уклонения от рискованных видов деятельности и заканчивая ростом досуга²⁴.

Вот только несколько возможных направлений развития этой постановки вопроса на собственно экономическом поле. Во-первых, первичным по отношению к «жизни экономических благ» оказывается время жизни человека, в структуре которого выделяются несколько относительно обособленных частей (как минимум свободное и несвободное, связанное время, часть которого, в свою очередь, так или иначе расходуется при производстве внешних благ, а остальная расходуется в других сферах, в том числе и при их потреблении).

Во-вторых, в балансе времени именно досуг оказывается одновременно и целевой (результатной) позицией, и балансирующей ресурсной (затратной).

²³ Характер возникающих при этом проблем хорошо показан в очерке Дж. Хэя «Неопределенность в экономической теории» обзорного издания «Панорама экономической мысли конца XX столетия». Заканчивается этот очерк так: «Судя по материалам, представленным в этой главе, возможно, экономисты нуждаются в помощи представителей других дисциплин для адекватного моделирования неопределенности в своей науке» (Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: «Экономическая школа», 2002. С. 326).

²⁴ «Досуг является главным средством «борьбы с неопределенностью» по двум причинам. Во-первых, и это главное, содержание досуга — это восстановление, поддержание и накопление «человеческого капитала» — развития людей, их общения между собой, приобщения к культуре своего общества, мировой культуре. Во-вторых, время досуга — это наиболее мобильный резерв, который может быть приведен в действие практически немедленно. Сверхурочные работы — это простейшая форма мобилизации активности работников в «нештатной» ситуации. Благодаря им ограниченность труда как ресурса в краткосрочном периоде является мягкой, „не жесткой“. Выражение «Экономика должна быть экономной» — это не тавтология типа «масло масляное», а прежде всего констатация того малоприятного факта, что плановая экономика из-за формально избыточной определенности не содержала в себе внутренних стимулов искать и принимать «экономные» решения» (Гребнев Л., Нуреев Р. Экономика. Курс основ. М.: Вита Пресс, 2001. С. 51.)

Эта ситуация универсальна, то есть присутствует в любом обществе независимо от уровня его развития. В современном обществе ведется статистика, более или менее полная, затрат времени, особенно времени труда. Возможно, наиболее совершенно эта работа поставлена в США, где уже давно принято считать ставки повременной оплаты в расчете на час. Но нечто похожее можно наблюдать и в самых первобытных из сохранившихся донныне обществ²⁵.

В-третьих, неопределенность продолжительности жизни каждого человека и доли в ней времени трудоспособного периода, включая время, когда человек может сам себя обслуживать, заставляет с самого начала исходить не из отдельно взятых индивидов, а из тех или иных демографических общностей, интересы которых отнюдь не сводятся к сумме интересов одновременно сосуществующих их представителей²⁶. Иначе говоря, демографическое воспроизводство, соответствующие «потоки и запасы» становятся в центр собственно экономических расчетов затрат и результатов. Причем, как и в случае расчетов в деньгах, единица измерения «затрат» и «результатов» одна и та же — «capita (голова)», «душа», а базовый показатель эффективности имеет почти тождественную форму: *inter-est rate*²⁷. Отношения поколений при этом имеют отчетливый экономический аспект: хватит ли в следующем поколении рабочих рук, чтобы обиходить в старости представителей предыдущего поколения и поднять на ноги свою замену? Рациональность демографического поведения в условиях неопределенности внешней среды при этом предполагает что-то вроде резервирования, причем чем выше неопределенность, тем больше должно рождаться детей в буквальном смысле «на всякий случай». Отсюда известные в любом традиционном обществе запреты на ограничение рождаемости и вообще любые действия по «разбазариванию семенного фонда».

В-четвертых, рациональное поведение агента в условиях неопределенности внешней среды включает и принятие мер по сокращению этой неопределенности. Это общее правило применительно к демографическим процессам выразилось в том, что со временем была значительно понижена смертность, начиная с младенческого возраста. Однако рациональная реакция населения разных стран на это в виде сокращения рождаемости происходит с большим запаздыванием и «перебором». Отсюда известные «ножницы» между первым и вторым демографическими переходами во многих развивающихся странах, а также проблемы с замещающей инокультурной миграцией в экономически развитых странах.

²⁵ «Африканские бушмены племени кунг населяли северо-западную область пустыни Калахари... Взрослые обычно работали 12—19 часов в *неделю*, добывая пищу... Этот рабочий день обеспечивал и мужчинам и женщинам свободное время — отдых, развлечения, посещение гостей и для мужчин — ритуальные танцы. Примерно 40 % населения составляли дети, холостые взрослые (15—25-летнего возраста) или пожилые (более 60 лет), которые не вносили вклад в общее пропитание и которых не заставляли это делать» (Смит В. Л. Экономика охоты и собирательства (Экономическая теория (New Palgrave-1991). М.: ИНФРА-М, 2004. С. 414—415). В русском переводе вместо выделенного курсивом слова «неделя» ошибочно указан «день», что делает практически абсурдной последующую информацию о наличии свободного времени и его структуре.

²⁶ Можно сказать и так: для демографической общности актуален не столько вопрос увеличения продолжительности жизни каждого живущего, сколько продолжения неограниченно долгого существования ее самой при неизбежной замене одних поколений другими. Затраты (сменяющиеся поколения) и результат (продолжение жизни общности) при этом оказываются «размещенными» на разных уровнях общественного бытия.

²⁷ Для капитала в денежной форме этот показатель приведен к годовому периоду и по-английски так и называется *interest rate*. На русском языке он имеет иное название, также берущее начало в латыни, но не отражающее суть дела: (ссудный) процент. В демографических расчетах этот показатель приведен к периоду смены поколений и показывает, сколько девочек рождает каждая женщина.

В-пятых, неопределенности внешней среды в экономике противостоит субъект, который тоже является носителем неопределенности. Можно сказать, что в экономике имеется и «соотношение неопределенностей», пусть и совсем иное, нежели в физике микромира. Когда мы говорим, что экономический агент принимает решение, как раз и имеется в виду, что субъект самоопределяется, выступает в результате этого внутреннего акта как автономная, суверенная причина изменений во внешней среде. Чем больше у субъекта того, что можно назвать «внутренней свободой», богатством внутреннего мира, его собственной неопределенностью, тем успешнее он может встречать неопределенность внешней среды, изменяя ее и/или изменяясь сам. Для обозначения такой активности — изменений и самоизменений — вряд ли подходит термин «выбор», поскольку за ним тянется шлейф альтернатив, которые уже должны быть «в наличии». Скорее здесь можно говорить о творчестве как способе формирования новой среды, активном изменении существующих границ, а не пассивной «оптимизации в заданных границах».

Наконец, стандартную задачу, которой занимаются теоретики и в микро-, и в макроэкономике: совместное рассмотрение эффектов замещения и дохода при изменении тех или иных относительных цен либо их аналогов (например, подоходного налога) с учетом фактора неопределенности можно интерпретировать как фундаментальную, не связанную исключительно с денежной формой экономических явлений. Наверное, нетрудно заметить, что обычное рассмотрение ситуации изменения относительной цены при неизменном номинальном доходе опирается на предположение о полной устойчивости потока этого дохода во времени, равно как и об устойчивости, то есть однократном, постоянном («раз и навсегда») изменении относительной цены. Только в этом случае экономический агент меняет свое поведение (то есть контролируемые им потоки). На иные изменения он скорееотреагирует изменением своих запасов²⁸.

В целом же, по-видимому, на всех уровнях хозяйственной жизни людям в условиях неопределенности приходится решать не имеющую очевидного решения задачу самосохранения и самоизменения: интерес самосохранения лежит в основе фундаментального стремления к стабильности дохода и вообще условий существования. Неустрашимый фактор неопределенности при этом стимулирует повышение степени контроля «всего и вся», в пределе аккумулируя у себя все имеющиеся ресурсы («отдыхать некогда — все пишем...»). Интерес самоизменения, наоборот, требует для своей реализации как минимум свободного времени, а на самом деле и разнообразных внешних благ. Этот интерес тоже самодостаточен, но его реализация может идти в ущерб самосохранению. Самая общая схема того, как это противоречие двигало экономическую жизнь от хозяйств тотемов до наших дней, приведена на рисунке 4.

Рискну предположить, что очередное поколение учебников вводного уровня по экономической теории будет основано на представлении об экономике как о науке, изучающей затраты людей на продолжение жизни общества в условиях неопределенности²⁹. Возможно, ждать их придется не дольше,

²⁸ Этот подход — разделение всех событий на постоянные и временные (permanent and temporary) — является ключевым, например, в учебнике Р. Барро (*Barro R. Macroeconomics*. NY.: John Wiley & Sons, 2000).

²⁹ Возможно, здесь не лишним будет напомнить отношение к этому аспекту одного из творцов маржиналистской революции, К. Менгера: «Эта неуверенность [в определенности результатов «причинных процессов». — Л. Г.] — один из самых существенных моментов экономической неуверенности людей и, как мы увидим впоследствии, имеет весьма большое практическое значение для хозяйства» (*Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии* М.: Экономика, 1992. С. 56).

Иллюстрация фактора неопределенности как фундаментального объясняющего принципа в экономике

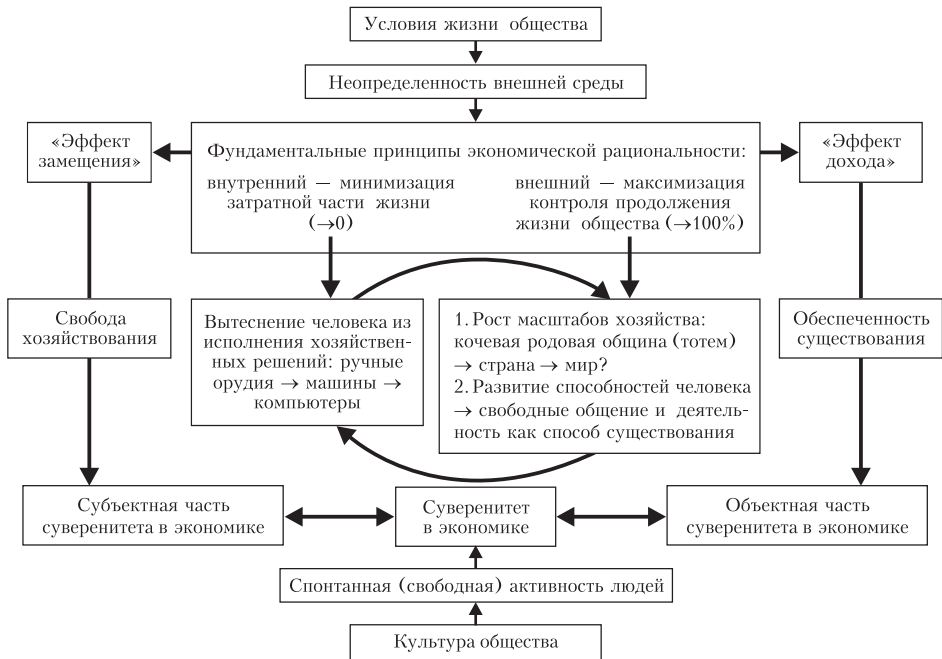

Рис. 4

чем появления учебника П. Самуэльсона (1948) после публикации статьи Л. Роббинса «Предмет экономической науки» (1935)³⁰.

Разумеется, все написанное выше о значении неопределенности как основы экономической теории не заимствовано у В. А. Канке. Размышления эти приведены скорее как иллюстрация возможных направлений обсуждения некоторых тем, поднятых в его недавней книге, адресованной экономистам. Наверняка найдутся и другие авторы, которых не удовлетворят решения, предложенные этим автором, и у них будет что ему возразить.

³⁰ «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 18).